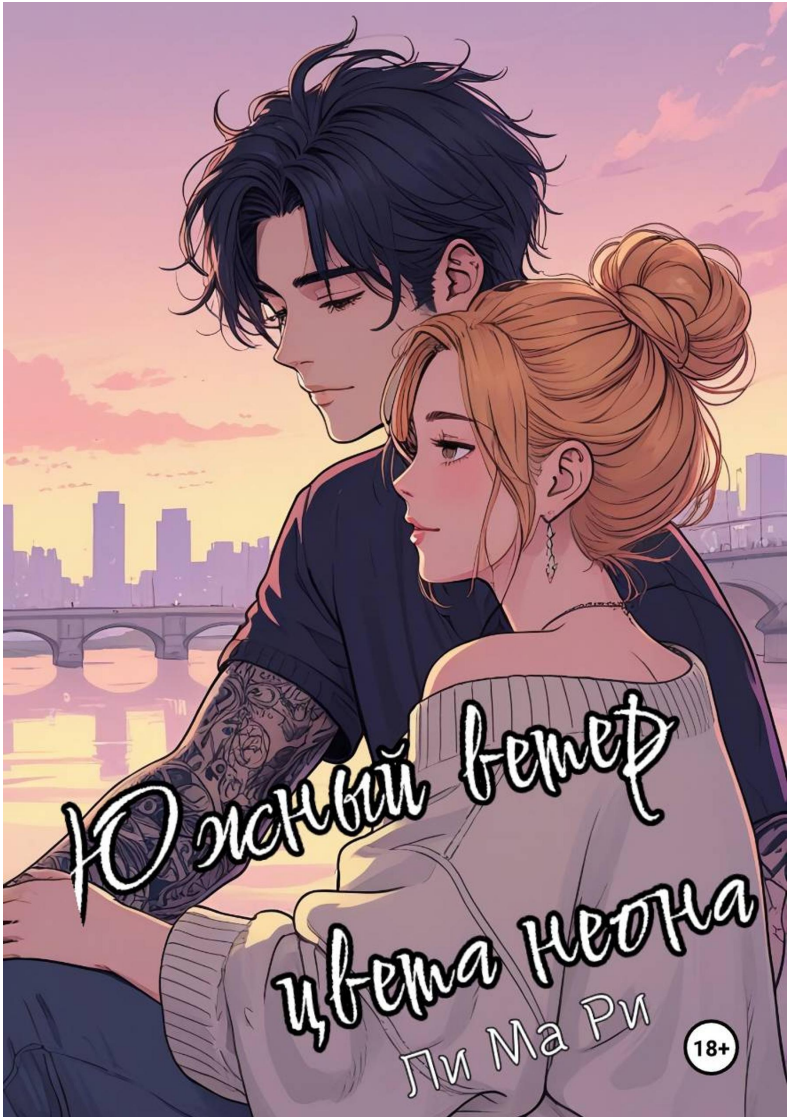

Южный ветер
цвета неона
Ли Ма Ри
18+

Ли Ри
Южный ветер цвета неона

https://litres.ru/74721309
SelfPub; 2026

Аннотация

У каждого в этом городе есть своя скорость. Но что произойдет, когда их траектории пересекутся в неоновом тумане?

Ростовское лето не умеет просить прощения, но настоящий шторм начинается, когда город уходит под воду. Для студентки-архитектора Алины и её хрупкой подруги-художницы Леры случайная поломка в центре затопленного Будённовского проспекта становится точкой невозврата. Из пелены дождя восстает матово-угольный монстр RAM TRX, а вместе с ним — двое парней, которые привыкли брать от жизни всё.

Максим — дерзкий автомеханик и король нелегальных гонок, для которого Алина становится прекрасным, но строптивым талисманом. Кирилл — холодный и властный наследник строительной империи, готовый стать единственным безопасным местом для сломленной прошлым Леры. В мире ночных заездов за «Ростов Ареной», фиолетового неона и аромата мятного шоколада им предстоит узнать, что такое настоящая скорость. Но прошлое Леры уже идет по их следу, и цена ошибки в этой гонке — жизнь.

Содержание

Глава 1. Когда Ростов уходит под воду 4
Глава 2. Аромат бензина и мяты 12
Глава 3. Уголь и мятная шоколадка 19
Глава 4. Тени на Табачке 24
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Ли Ма Ри
Южный ветер цвета неона

Глава 1. Когда Ростов уходит под воду

Ростовское лето не умело просить прощения. Оно либо выжигало город степным зноем, оставляя на губах трещины и запах раскалённого асфальта, либо обрушивалось за полчаса таким ливнем, что холмистые улицы превращались в реки, а в подъездах потом неделю пахло мокрой извёсткой.

Сегодня был второй вариант. Будённовский плыл. На перекрёстке заглох автобус, и пассажиры выбирались из него прямо в воду, подворачивая брюки.

— Алина, ради бога, смотри на дорогу!

Лера вжалась в пассажирское сиденье и подтянула колени к груди. Кардиган она носила размеров на пять больше нужного, светло-серый, крупной вязки, и в нём казалась младше своих лет и меньше ростом. На коленях у неё лежала папка с эскизами, которую она держала, не замечая, что держит. Пальцы были в графите: днём она рисовала и оттереть руки как следует не успела.

— Всё под контролем, Лерусь. Кнопочка почти амфибия.

— Алина крутила руль, медовые пряди липли к щекам, карандаш в пучке давно покосился. — Нам два квартала до Пушкинской. Там повыше.

Голос у неё звучал бодро. Глаза расширялись каждый раз, когда волна от автобуса накрывала лобовое стекло целиком, а дворники, старые, с задранной резинкой, не успевали её согнать. В салоне пахло ванильным рафом из двух стаканов и мокрой обивкой: уплотнители на дверях были старше самой машины.

— У меня под ковриком вода, — сказала Лера, и голос у неё сел.

— Знаю.

Раздался глухой скрежет, будто по днищу провели напильником. Мотор чихнул, звякнул и заглох — прямо посреди лужи. Вода снаружи уже подступила к колёсам.

— Нет, нет, нет. Малышка, только не сейчас. — Алина крутила ключ, панель мигнула и погасла. — Всё. Мы застряли.

Лера не ответила. Она смотрела на воду, которая ползла вверх по двери, ровно и без спешки, как в ванне, если забыть закрыть кран. Паника всегда приходила снаружи: поднималась по стеклу, забиралась в горло и оставляла там вату. Дышать стало нечем, и Лера даже не заметила, в какой момент перестала.

Алина обернулась сказать что-нибудь бодрое и забыла слова. У Леры было лицо человека, который задыхается, и

это оказалось страшнее воды.

И в этот момент по луже, от Дона, пошла волна.

Она шла не от легковушки. Сначала был звук, низкий и ровный, от которого задребезжали стаканы. Потом из пелены дождя поднялся силуэт: матово-угольный, огромный, на колёсах выше алининой крыши, с двумя рядами диодных огней. RAM 1500 TRX шёл по потопу, как по сухому. Вода, которая для Hyundai была смертельной, ему доходила до середины дисков.

Машина с коротким пшиком пневмоподвески встала напротив, принимая на себя встречный поток и закрывая Hyundai от чужих брызг. Стекло со стороны водителя поползло вниз.

Алина прильнула к окну, насупившись и сжав кулаки. Из-за разницы в высоте ей приходилось смотреть снизу вверх.

Парень за рулём был в чёрной футболке, с дорогими часами на левом запястье, с небрежно взъерошенными тёмными волосами. На губах у него играла ухмылка, наглая до неприличия. Тёмно-карие глаза смотрели на Алину без всякого сочувствия, зато с большим интересом.

— Эй, амфибия! — Голос низкий, с хрипотцой, пробился сквозь дождь. — Тонуть по расписанию или помочь?

— Сами справимся, — Алина вскинула подбородок. Вода уже проступила под ковриками, но подбородок она вскинула. — Проезжайте мимо. Молодой человек на слишком большой машине.

Парень засмеялся, коротко и негромко. Алине этот звук не понравился тем, что понравился.

Он повернулся к пассажиру: высокий, в безупречной рубашке, с укладкой, которая не портится от дождя, и с холодными серо-голубыми глазами. Тот до этого момента листал телефон.

— Кирилл, глянь на эту пичугу. Колёс не видно, а кусается.

Кирилл поднял голову.

На пассажирском сиденье Hyundai сидела девушка, которая боялась. Не злилась, не кричала, не требовала эвакуатор, а боялась: держалась за ремень обеими руками и смотрела прямо перед собой. В её глазах было столько всего, что у Кирилла пересохло во рту.

Он отметил три вещи, которые не имели никакого значения. Графит под ногтями. Папку с эскизами на коленях. И то, что она ни разу не взглянула в его сторону.

— Кирилл. — Максим пощёлкал пальцами у него перед лицом. — Эй. Ты здесь?

Он не ответил. Ему вдруг стало неловко за свои сухие ноги и за телефон, который он всё ещё держал в руке.

— Макс, — сказал он негромко, но так, что спорить расхотелось. — Доставай их. Живо.

Максим хотел сострить, повернулся к другу, посмотрел на его плечи, на побелевшие пальцы, лежавшие на колене, и шутку проглотил.

— Ладно, пичуга. Игра в независимость окончена.

Стекло поднялось. Дверь RAMa открылась, и Максим шагнул в воду, не поднимая воротника. Дождь прибил футболку к плечам; он шёл и не морщился.

Алина отпрянула, когда его лицо оказалось близко к её стеклу. Он дёрнул ручку снаружи. Не поддалась. Тогда он приложил ладонь к стеклу и коротко сказал: «Отойди». Алина отъехала в сторону. Парень упёрся ногами в асфальт и рванул дверь на себя. Металл взвизгнул, и внутрь влетели брызги и сырой воздух.

— Вылезай.

Ладонь у него была большая и горячая, с мозолями у оснований пальцев, и она оказалась единственной тёплой вещью во всей этой воде. Алина посмотрела на неё секундой дольше, чем собиралась, и вложила свои пальцы.

Он потянул её к себе, перехватил за талию и оторвал от земли, чтобы она не ступила в лужу. Лицо Алины на миг уткнулось в его мокрую грудь, и она вдохнула: мокрая ткань, табак и мята.

— Держись за шею, пичуга.

Она обхватила его шею. Ноги у неё всё-таки подкосились, но этого никто не заметил.

С другой стороны машины глухо хлопнула дверь. Кирилл стоял по колено в воде: туфли он всё-таки испортил, вода перелилась через край, и он это почувствовал через тонкую кожу носка. Дверь Леры он открыл так легко, будто она ничего

не весила, и присел на корточки, чтобы не нависать над ней.

Лера не шелохнулась. Дрожала она мелко и ровно, как дрожат от холода, только дело было не в холоде.

— Эй, — сказал Кирилл. — Посмотри на меня.

Она повернула голову. Медленно, как поворачиваются, когда не уверены, что стоит.

Он к ней не прикоснулся. Держал руки в воздухе, ладонями вверх, и с пальцев капало.

— Я не буду тебя трогать, пока ты не разрешишь. Но здесь вода. Можно, я тебя вынесу?

Она кивнула, едва заметно. Тогда он просунул руки ей под спину и под колени и поднял вместе с кардиганом. Она оказалась совсем лёгкой. У виска, у самой его рубашки, билась жилка, часто и мелко, и Кирилл шёл к внедорожнику, наклонив плечо так, чтобы дождь падал на него, а не на неё.

Через минуту обе сидели сзади. Максим вывернул обогрев на максимум, из дефлекторов пошёл сухой горячий воздух, и в салоне запахло пылью и мокрой шерстью. Кирилл, не спрашивая, накинул Лере на плечи своё пальто поверх кардигана, и она вцепилась в воротник обеими руками.

— Ремни, — сказал Максим, не оборачиваясь.

Алина дёрнула свой, он заел. Максим молча перегнулся назад, рванул, и ремень с сухим щелчком встал на место.

— Спасибо, — буркнула Алина.

— Вот, уже получается.

Она вспыхнула и отвернулась к окну. Максим посмотрел

на неё в зеркало, и на щеке у него обозначилась ямочка.

Кирилл сидел вполоборота, пристёгнутый, но так, чтобы видеть Леру. Она уже не дрожала: смотрела на свои перепачканные графитом пальцы и очень старалась дышать ровно. Он не мешал ей, только ждал. Ему хотелось спросить, что с ней случилось, и он понимал, что сегодня не спросит.

Лера посмотрела на его ноги.

— Вы испортили туфли, — сказала она тихо. Это была первая фраза за весь вечер, которую она сказала сама.

Кирилл опустил глаза на мокрую кожу.

— Они не самые любимые.

— Врёте.

— Вру, — согласился он.

— Куда ты нас везёшь? — спохватилась Алина, подавшись вперёд между сиденьями.

Максим поднял телефон, коротко продиктовал в трубку адрес, сунул его в держатель и только потом повернул голову.

— В моё логово, пичуга. Эвакуатор уже выехал, заберёт твою Кнопочку с мигалками. А вы побудете у меня, пока не высохнете. И пока не научишься говорить мне «спасибо» без такого лица.

— Не дождёшься.

— Я умею ждать.

— А с Кнопочкой точно всё в порядке будет? — Алина всё-таки не удержалась.

— Приедет в сервис раньше нас, — сказал Максим. — Я

велел её не трогать до меня.

— Почему?

— Потому что смотреть, как чужие руки копаются в твоей машине, — это отдельное удовольствие, пичуга. Тебе я его не отдам.

Алина собиралась сказать, что ей плевать на его удовольствия, и почему-то ничего не сказала.

Внедорожник выбрался из лужи, оставив позади Hyundai с растерянно мигающей аварийкой. За окном проплывали вывески, наполовину скрытые водой; на Театральной двое толкали заглохшую легковушку. Дворники махнули раз, другой, и Будённовский поплыл назад, в дождь, под ровный шум воды по металлической крыше.

Глава 2. Аромат бензина и мяты

Автосервис на Малиновского не был похож на гараж. Ворота поползли вверх, и внутрь вплыл запах: не дешёвое масло, а полироль, кофе и что-то ещё, от чего Алина невольно втянула нос. Бензин. Только не тот, которым пахнут заправки.

Внутри было темно и светло одновременно: кирпичные стены, вертикальные полосы неона, зелёного и фиолетового, и тишина. В центре, под светом, стояла BMW. Графитовая, низкая, прижатая к полу.

RAM встал рядом и заглох. В боксе стало слышно, как по металлической крыше стучит дождь.

— Приехали, девчонки. — Максим обернулся и улыбнулся так, будто ничего особенного не случилось. — Прошу в обитель скорости.

Алина вышла первой. Ей под ноги сразу натекла лужа, и это было обидно: пол в боксе блестел, как подоконник в больнице.

— Снимай, — сказал Максим.

— Что?

— Кроссовки. Пол я вчера сам заливал.

— Я не собираюсь разуваться в чужом гараже.

— Это не гараж.

Он подошёл, бросил под её кроссовки тряпку и отодвинул

воду носком ботинка.

— Так. — Максим вытащил из шкафа чёрную толстовку с логотипом на груди и бросил ей. — Переоденешься наверху, в душевой. Дверь на щеколду, никто не войдёт. И не спорь, ты синяя.

Толстовка оказалась тяжёлой и пахла им: табак, мята и ещё что-то тёплое. Алина поймала себя на том, что вдыхает её, и поспешно опустила руки.

Лера вышла следом, укутанная в пальто Кирилла так, что видно было только лицо. Кирилл шёл рядом, держа руки в карманах, будто боялся, что они сами к ней потянутся.

— Это кто проектировал? — Алина задрала голову к фермам под крышей. — Хорошая работа.

— Я, — сказал Максим. — На салфетках.

— Видно.

Он фыркнул и забрал у неё мокрую куртку.

Кирилл повернулся к Лере, и голос у него стал другим: мягче, будто он говорил не в пустом боксе, а в комнате, где кто-то спит.

— Наверху есть душ и диваны. Пойдём, тебе надо согреться.

Лера пошла за ним. На третьей ступеньке она остановилась и обернулась, не к Алине, а просто обернулась, как оборачиваются, когда кажется, что сзади кто-то стоит. Кирилл ждал двумя ступенями выше и не торопил её.

Алина сделала несколько шагов и остановилась перед ма-

шиной. Графит отражал фиолетовый свет так, что казалось, будто BMW светится изнутри.

— Красивая, — сказала она, не думая, что её слышно.

— Ага.

Она вздрогнула: Максим стоял у неё за спиной, близко, и она не слышала, как он подошёл.

— Ты ходишь, как кошка.

— Ты просто смотришь не туда, куда надо.

Он стоял почти вплотную. Алина смотрела на капот, а спиной чувствовала, как от него идёт тепло, как от печки, если стоять рядом в мокрой одежде.

— Шестьсот двадцать пять лошадей в стоке, — сказал он. — Наддув и выхлоп я перебрал сам. Хочешь послушать, как она рычит?

— Я хочу забрать ключи от Кнопочки и уехать.

Она повернулась, чтобы сказать это ему в лицо, и оказалась между ним и капотом. Пришлось смотреть вверх.

Максим достал из кармана брелок с эмблемой и покачал его на пальце.

— Ключи в кабинете. Но есть одна штука, пичуга. Эвакуатор стоил денег. Толстовка на тебе тоже. С студенток я рублями не беру.

— Ах так.

Она толкнула его в грудь. Он не сдвинулся. Она убрала руки, и это вышло хуже, чем если бы оставила.

— И чего же ты хочешь, товарищ автомеханик?

— Вот это уже правильный вопрос.

Максим перестал улыбаться. С такого расстояния было неудобно смотреть ему в лицо: становилось заметно, как он дышит, как темнеют зрачки. Алина обнаружила, что и сама дышит неровно, и это разозлило её сильнее всего.

Он наклонился к её уху. Она задержала дыхание, чтобы не выдать себя звуком.

— В субботу за «Ростов Ареной» ночные заезды. Ты едешь со мной. Сидишь на пассажирском. Будешь моим талисманом. Отработаешь долг.

— А если откажусь?

Максим убрал выбившуюся прядь ей за ухо. Пальцы у него были тёплые, и он не спешил убрать руку: задел кожу на шее там, где билось.

— Тогда Кнопочка останется здесь жить. А я придумаю другие способы, чтобы ты приходила ко мне каждый день.

Алина сглотнула. Под его пальцами билось часто и громко, и она была уверена, что он это чувствует.

Парень был сплошной неприятностью, и она это понимала. Понимала и всё равно не уходила.

Наверху горела одна лампа. Кирилл принёс две чашки, поставил одну перед Лерой, вторую — у другого края стола, и сел на диван так, чтобы между ними остался целый метр.

— Чай с чабрецом и мёдом. Если не любите мёд, скажите, принесу другой.

Лера взяла чашку обеими руками. Пальцы не слушались,

чашка звякнула о блюдце. Кирилл сделал вид, что не заметил.

— Спасибо.

— У вас мокрые волосы. — Он поднялся, вернулся с полотенцем и положил его на подлокотник, близко к её руке, но не в руку. — Я отвернусь.

Она вытерла волосы. Он смотрел вниз, в бокс, где под неоном стояли две фигуры: маленькая сердитая и большая спокойная.

— Ваша подруга очень смелая, — сказал он наконец. — Связалась с Максом. Он не отступает, если решил.

— Алина сильная. — Лера обхватила чашку ладонями, согревая. — Она не боится почти ничего. Я не такая.

— Я заметил.

— Что я не такая?

— Что вы держались за ремень обеими руками, — сказал Кирилл. — В машине. Не за ручку двери, не за сиденье. За ремень.

Лера промолчала.

— Зачем вы нам помогаете? — спросила она тише.

Кирилл снял часы и положил их на стол, будто снимал с себя всё, что мешало разговору.

— Я увидел вас в той машине и подумал, что у вас, наверное, нет места, где можно не держаться. — Он помолчал. — Я хочу, чтобы такое место было. Это всё, что я могу вам предложить, и это не требует ничего взамен.

— У меня есть прошлое, — сказала Лера в чашку. — Оно не закончилось. Оно тянется за мной.

— Я не спрашиваю.

— Все спрашивают.

— Я не буду. — Он чуть подался вперёд, но не коснулся её. — Захотите — расскажете. Не захотите — нет. Но если кто-то подойдёт к вам ближе, чем вы позволите, я хочу об этом знать.

Лера посмотрела на него поверх чашки. Внизу что-то громко сказал Максим, и Кирилл вздохнул так, как вздыхают люди, которые давно знают своего друга.

— Он не отступит, — сказал Кирилл. — И, честно говоря, ей это пойдёт на пользу.

— А мне?

— Вам я ничего не буду советовать. — Он улыбнулся одними глазами. — Пейте чай, Морозова. Пока горячий.

Внизу хлопнули ворота. Эвакуатор привёз Hyundai — мокрую, жалкую, с прилипшим к антенне листом. Алина обернулась и смотрела, как её машину ставят в бокс, и в лице у неё было столько всего сразу, что Максим не стал шутить.

— Ладно, Фаворит, — сказала она, отступив на шаг и одёрнув рукава толстовки. — Я приду на твои гонки.

— Вот и хорошо.

— Но только ради машины.

— Конечно, — согласился он серьёзно.

— И ключи отдай.

— Отдам. Когда она поедет. — Максим кивнул в сторону мокрого Hyundai. — У неё генератор умер. Я поищу такой же.

— Это моя машина.

— Это твоя машина, — согласился он. — А пока она стоит в моём боксе, она моя забота.

— Суббота, одиннадцать, за «Ростов Ареной». Не опаздывай, я не люблю ждать.

— А я не люблю, когда мне указывают.

— Привыкай.

Он пошёл к лестнице и обернулся:

— И толстовку не возвращай. Тебе она идёт больше, чем мне.

Алина хотела ответить что-нибудь колкое, но придумала только через три ступеньки, когда он уже был наверху. За окном всё ещё шёл дождь.

Глава 3. Уголь и мятная шоколадка

Утро субботы было обманчивым. После вчерашнего ливня Ростов остыл: Пушкинская пахла мокрым тополем и кофе, под скамейками ещё стояли лужи, а солнце светило так, будто вчера ничего не было.

Алина сидела на летней веранде кофейни напротив университета. Ватман она придавила по углам учебниками по начертательной геометрии, рядом разложила капиллярные ручки. Карандаш останавливался на середине линии, и линия выходила вкось.

— Ты третий раз перечерчиваешь одно и то же, — сказала Лера.

Она сидела напротив, обхватив чашку с мятным чаем, в свитере цвета пыльной розы, который был ей велик и служил сразу бронёй и одеялом. Серебряные крылышки в ушах ловили солнце.

— Архитектор должен быть точным, — сказала Алина и уткнулась носом в раф. Раф давно остыл.

— Архитектор вчера вернулся в общежитие в чужой толстовке.

Алина посмотрела на свои рукава. Чёрная, с логотипом на груди, подвёрнутые трижды и всё равно висят.

— Она тёплая, — сказала Алина. — И вообще, я в ней только сплю.

— Ага.

— И ем.

— Понятно.

Алина откусила печенье с таким видом, будто это было научное утверждение.

— Это из-за него? - спросила Лера тише. — Из—за Максима.

— Я просто заберу долг за эвакуатор.

— Ты сама в это не веришь.

— Я очень в это верю, — сказала Алина, и сердце у неё в этот момент сделало что-то некрасивое. — Машину он, кстати, не отдал. Говорит, генератор умер, будет искать новый. Ему, видимо, кажется, что ключи — это поводок.

— Ему кажется, что поводок — это ты, — сказала Лера.

Алина хотела возмутиться и почему-то промолчала.

— Он опасный, Аля, — Лера поставила чашку. — Ты видела, где он живёт. Я видела, сверху. Это не сервис, это чей-то дом. Люди, у которых такие дома, не возят студенток на гонки из доброты.

— Я и не рассчитываю на доброту.

— Я не про тебя. Я про то, что он тебе скажет.

Алина не нашлась что ответить и перевела разговор, как переворачивают страницу, на которой застряла:

— Лучше расскажи, откуда у тебя новые серьги.

Лера опустила взгляд и покраснела аккуратно, как краснеют люди, у которых смущение не в щеках, а в шее.

— Кирилл прислал. Курьером, прямо на кафедру. — Она тронула мочку уха. — Вместе с набором угля. Хорошего, который я полгода не могла найти в Ростове. Без записки.

— Совсем без записки?

— Совсем.

— Знаешь, что самое неприятное? — Алина отломила кусок печенья. — Он не прислал цветы. Цветы присылают всем. Он прислал уголь. Той, кто рисует.

Лера ничего не ответила, но улыбнулась коротко, будто извиняясь за эту улыбку.

Воздух над Пушкинской сломался со звуком, от которого задрожали стёкла. Прохожие обернулись: со стороны Чехова, переваливаясь через трамвайные рельсы, выкатился матово-угольный RAM. Среди узкой исторической улицы он выглядел так, будто въехал в чужой двор. Пожилой официант у двери посмотрел на него, как на стихийное бедствие, и на всякий случай придержал поднос.

Машина встала у бордюра напротив веранды. Дверь открылась, и вышел Максим: рваные джинсы, белая футболка, очки, которые он сдвинул на макушку, взъерошив волосы. Алину он нашёл взглядом раньше, чем она успела сделать вид, что не смотрит.

Он подошёл и опёрся ладонями о край стола, не сел, а именно опёрся, наклонившись так, что Алина оказалась в его тени. Пахло табаком, мятой и вчерашним дождём.

— Привет, пичуга. — Он кивнул Лере. — Привет. Ки-

рилл просил передать: выставка в галерее на Большой Садовой согласована. Бюджет отец выделил, бумаги подписаны.

Лера округлила глаза.

— Правда?

— Я не передаю неправду. Спроси у него.

Алина вскинулась, прикрывая подругу плечом, как прикрывают от сквозняка:

— Воронцов. Ты зачем притащился на танке прямо к универу? У меня пара через двадцать минут.

— Значит, успею.

Он протянул руку, вынул карандаш из её пальцев и повертел его. Алина собиралась возмутиться и почему—то не возмутилась.

— Я приехал убедиться, что мой талисман не сбежит, — сказал он тише, и голос стал другим, без шутки. — Одиннадцать вечера, смотровая площадка за «Ростов Ареной». Не опаздывай. Моя BMW не любит ждать.

Пауза. Алина смотрела на карандаш в его пальцах и понимала, что если поднимет глаза, там будет ямочка и всё станет сложнее.

— Как и я, — добавил он.

Он выпрямился, подмигнул ей и ушёл, оставив на столе маленькую шоколадку в бумажке. TRX взревел и скрылся за поворотом, а на веранде ещё несколько секунд было очень тихо.

— Аля.

— Что?

— Ты дыши.

Алина взяла шоколадку и развернула. Прокусила. Начинка была мятная, ровно такая, какой пахло от него, и следующие полминуты она очень старательно думала о чертеже.

Глава 4. Тени на Табачке

Бывшая табачная фабрика в центре Ростова давно перестала быть фабрикой. Красный кирпич, кованые лестницы, неоновые вывески, гул голосов; в переулках пахло кофе, краской и мокрым камнем. В одном из дальних залов, куда ещё не пускали посетителей, было тихо.

Лера стояла на строительных лесах и выводила на белёной стене переплетение неоновых линий и угольных силуэтов ночного города. Комбинезон, свитер цвета пыльной розы поверх, лента в волосах. Пальцы в графите, на кончике носа мазок белой краски, о котором она не знала.

Она работала и ничего не слышала: ни музыки из соседнего бара, ни шагов за спиной.

Кирилл сидел в тёмном углу зала, в одном из распакованных кожаных кресел, сняв пальто и повесив его на подлокотник. Он приехал подписать акты с подрядчиком. Подписал. Подрядчик ушёл в начале девятого, а он остался и сидел уже второй час, держа в руке стакан кофе, который успел остыть.

Он не разбирался в живописи. В его мире картины висели в офисах, стоили как машины и обсуждались на закрытых аукционах. Здесь на стене складывался город, и город был тот самый: река, мост, неон, огни по другой стороне.

Он смотрел, как она работает, и не смог бы объяснить, что именно смотрит. Как отставляет мизинец, когда ведёт

линию. Как задерживает дыхание на длинных штрихах и выдыхает, закончив. Как снимает с кисти прилипший волосок и возвращается к стене.

Лера потянулась к верхнему краю рисунка, нога на ступени поехала, и леса скрипнули.

Кирилл встал.

— Осторожно.

Он сказал это громче, чем собирался. Лера вздрогнула, кисть качнулась, и на стене осталась лишняя линия.

— Простите, — сказала она, глядя вниз. — Я вас не слышала.

— Я знаю.

Она спустилась на пол, держась за поручень, и посмотрела на него сверху вниз ещё раз, уже стоя на полу.

— Вы давно здесь?

— Два часа.

— Два часа?

— Я подписывал акты. — Кирилл помолчал. — С подрядчиком. Он ушёл в начале девятого.

Лера вытерла руки о комбинезон, оставив на нём серые полосы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.